

ББК 20.1
УДК 215
Р 456

Реформа церкви: Реформация в экуменической перспективе / Под. ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко (Серия «Диалог»). – М.: Издательство ББИ, 2020. – х + 179 с.

ISBN 978-5-89647-383-1

Должна ли церковь меняться, чтобы отвечать на вызовы сегодняшнего быстро меняющегося мира? И если да, то насколько глубокими могут быть эти изменения? Чему нас учит в этом отношении история христианства, особенно Реформация XVI – XVII веков и II Ватиканский собор (1962–1965)? На эти и другие вопросы пытаются ответить авторы данной книги – ведущие зарубежные и отечественные исследователи, а также ряд выдающихся современных богословов и философов.

Верстка: Татьяна Дурнова
Обложка: Светлана Покровская

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2020
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316,
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	vii
-------------------	-----

1. РЕФОРМАЦИЯ И РЕФОРМА ЦЕРКВИ

Чарльз Тейлор

РЕФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РЕФОРМЫ ЦЕРКВИ	3
---	---

Хайнц Шиллинг

РЕФОРМАЦИЯ КАК ВЫХОД ЗА РАМКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕФОРМ	9
--	---

Маттиас Вирц

РЕФОРМАЦИЯ КАК ЦЕРКОВНОЕ СОБЫТИЕ	23
--	----

2. ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ

Курт Кох

ИЗБРАНИЕ ПАПЫ НА СОБОРЕ В КОНСТАНЦЕ И ЕГО ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	37
--	----

Юрген Мольтман

НЕЗАВЕРШЕННАЯ РЕФОРМАЦИЯ: НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ – ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ ОТВЕТЫ	52
--	----

Адальберто Майнарди

РЕФОРМИРУЯ ПЕРВЕНСТВО: ДИСКУССИИ В ПРАВОСЛАВНО-КАТОЛИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ	65
--	----

Елена Степанова

ЭКУМЕНИЗМ КАК ПРИЗВАНИЕ И УБЕЖДЕНИЕ: ДЖОН УЭСЛИ О ХРИСТИАНСКОМ ДУХЕ ЕДИНСТВА	83
---	----

Ивана Нобл

РЕ-ФОРМИРУЯ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ НА ХРИСТИАНСКОЕ ЕДИНСТВО	97
---	----

3. ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И БУДУЩЕЕ ЦЕРКВИ*Ганс Кюнг*

КРИТИКА ЦЕРКВИ..... 111

*Светлана Коначëва*БЕЗРЕЛИГИОЗНОЕ ХРИСТИАНСТВО – НОВАЯ РЕФОРМАЦИЯ
ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К БИБЛЕЙСКИМ ИСТОКАМ?..... 124*Антон Тихомиров*И ВРАТА АДА НЕ ОДОЛЕЮТ ЕЕ? О необходимости кенотической
экклесиологии в контексте реформаторского понимания
церкви и лютеровской *theologia crucis* 140*Симонетта Сальвестрони*

ИСПОВЕДУЮЩАЯ ЦЕРКОВЬ (1934-1936) 157

Тим Нобл

МИССИОНЕРСКИЙ ОПЫТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РЕФОРМУ ЦЕРКВИ 170

ОБ АВТОРАХ И РЕДАКТОРАХ 178

ПРЕДИСЛОВИЕ

Невозможность продолжения стабильного существования средневекового миропорядка в Европе около 500 лет назад привела к драматической реформе общества и всех его структур, включая христианскую церковь. Мы привыкли связывать это с протестантской Реформацией, но процесс был значительно шире и глубже. Реформа работала на всех уровнях общества и самой человеческой личности, что привело к возникновению современной западной цивилизации. Конечно, этот процесс протекал очень по-разному в разных странах и культурах и во многом формировал их современный облик. Об этом подробно пишет Чарльз Тейлор в своем *opus magnum* «Секулярный век»¹. Для него как католика развитие секулярного мира – это не история упадка христианской цивилизации, а, скорее, история ее успеха.

Какова была роль церкви в этом процессе? Как масштабные перемены общества изменяли и реформировали церковь? Распалась ли она на множество больших и малых институтов – конфессий, деноминаций, общин, – или мы по-прежнему можем говорить о единой христианской церкви? Каково отношение к реформам и самой Реформации в различных христианских традициях? Церковь давно ушла из центра человеческого общества на его периферию. Должны ли мы огорчаться по этому поводу, или мы можем рассма-

¹ Чарльз Тейлор, *Секулярный век*, М.: ББИ, 2017. – 981 с.

тривать эту новую ситуацию как возможность развития современной миссии? Какие вызовы нас ожидают на этом пути? Этим проблемам посвящен предлагаемый сборник, в котором представлены размышления некоторых выдающихся современных богословов, философов и историков, а также избранные доклады участников международной конференции «Реформация в экуменической перспективе», проведенной Библейско-богословским институтом св. апостола Андрея совместно с Монастырем в Бозе (Италия) 25 – 28 октября 2017 года.

Вопрос о том, нужна ли церкви реформа, представляется скорее риторическим: *Ecclesia semper reformanda est*, церковь всегда нуждается в реформировании, если, конечно, она хочет быть живым организмом, Телом Христовым, а не музеем или мавзолеем. Когда церковь нацелена исключительно на сохранение в неизменном виде существующих институтов, норм, практик и доктрин, т. е. на консервацию «священного» прошлого, необходимость перемен все равно рано или поздно назревает, однако в этом случае изменения носят уже взрывной характер и ведут к радикальным преобразованиям, вплоть до раскола в церкви. Наиболее яркий пример этому – протестантская Реформация, расколовшая западную церковь и изменившая не только облик западного христианства, но и западное сознание и общество в целом, запустившая процессы, которые продолжаются по сей день. Об этом идет речь в первой части сборника, «Реформация и реформа церкви».

Западная церковь извлекла уроки из Реформации, и отмечавшееся в 2017 году ее пятисотлетие имело экуменический характер – это было не ликование протестантов и скорбь католиков, но попытка тех и других совместно осмыслить свое прошлое, правильно оценить настоящее и наметить пути движения в будущее. Реформа в любой церкви сегодня прежде всего связана с изменением ее отношения к другим церквям, поэтому тема межцерковного диалога и христианского единства центральная. Сохраняющиеся расхождения по различным вопросам не обязательно должны быть препятствием для единства христиан, если под таковым не понимается создание единой структуры, вбирающей в себя все церкви и управляемой из единого центра, или смешение различных традиций, утрачивающих свою идентичность и своеобразие. Несхожие традиции могут существовать рядом, дополняя и обогащая друг друга, а любая попытка создания единого для всех христиан властного

центра выглядела бы сегодня подозрительно и скорее дискредитировала бы христианство в глазах остального мира. Вопрос единства церквей есть прежде всего вопрос их служения как миру, так и друг другу. Этому посвящены статьи во второй части сборника, «Единство церкви».

Если церковь хочет оставаться открытой миру и отвечать на вызовы современности, то важнейшим для нее является реформирование собственного сознания, обретение способности критически взглянуть на себя со стороны в новых, изменившихся условиях. Тогда потребность в реформе ощущается особенно остро, поскольку взгляд со стороны, как правило, дает не слишком привлекательную картину, разительно отличающуюся от того, что видится изнутри. Все конкретные реформы (административные, литургические, богословские и пр.) должны естественно вытекать из этой способности к самокритике, а не просто быть разрозненными попытками улучшить те или иные стороны церковной жизни. Постоянное критическое отношение к себе и есть то, что делает церковь *semper reformanda*, т. е. позволяет ей жить и развиваться, служить Богу и выполнять порученную ей миссию. Тогда у церкви есть будущее, каким бы непростым и даже трагическим оно ни оказалось. Об этом рассуждают авторы статей, помещенных в третьей части книги, «Вызовы современности и будущее церкви».

Алексей Бодров, Михаил Толстолуженко
15 октября 2019

РЕФОРМАЦИЯ
И РЕФОРМА ЦЕРКВИ

РЕФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РЕФОРМЫ ЦЕРКВИ*

Чтобы оказаться в состоянии понять, какую роль сыграла Реформация в расколдовывании мира и в создании эксклюзивного гуманизма, мы должны сначала представить общий смысл всего периода, который ее заключает, что было до и после – периода, скажем, с 1450 по 1650 годы (все даты произвольны). Мы можем говорить о трех столетиях Реформы, включающих то, что именуется собственно Реформацией, а также Контрреформацию. Но сюда входят и предшествующие позднесредневековые попытки реформировать религиозную жизнь мирян, подняв ее до уровня «более высоких» стандартов. Налицо очевидная преемственность: сокращая (по крайней мере, в теории) разрыв между религиозностью элиты и обычным, клерикальным и мирским, благочестием, Реформация продолжала дело, начатое еще раньше, хотя и в других формах.

В этот период происходят одновременно три типа изменений; переплетаясь между собой, они тормозят или ускоряют друг друга. Связь их настолько тесна, что разделить их можно лишь аналитически. Во-первых, это автономные изменения в области массовой религиозности, которые могли поощряться сверху, и все же основной свой стимул получали не оттуда – речь идет о поклонении Христу, а также о практиках солидарности перед лицом смерти и Чистилища. Во-вторых, это зарождение и развитие новых элит, с иным мировоззрением и новой социальной базой – речь идет об об-

* Фрагмент из книги: Чарльз Тейлор, *Секулярный век*, М.: ББИ, 2017, с. 110-114.

разованных мирянах, которые в этот период все явственнее определяют собой религиозный облик мира латинского христианства.

Наконец, в-третьих, это сознательное стремление элит, как старых, так и новых, преобразовать общество в целом, изменить жизнь народных масс и приблизить ее к определенным образцам, производившим глубокое впечатление на эти элиты. Подобные процессы мы наблюдаем с самого начала указанного периода и даже в предшествовавшее данному периоду (в его предложенных мною условных рамках) время – например, в целом комплексе мер, предпринимавшихся средневековой церковью для повышения стандартов религиозной практики и благочестия. Этот чрезвычайно важный факт я лишь упомянул, будучи не в состоянии его объяснить – речь идет об охватившей мир латинского христианства «страсти к порядку»; именно в ней находило выход растущее недовольство иерархическим равновесием между церковными верхами и народом, иерархией и мирянами, а в тех цивилизациях, где господствовали «высшие» религии, такое равновесие было скорее правилом, нежели исключением¹.

¹ Я исхожу здесь из того, что тяга к Реформе существовала в латинском христианстве с давних пор, зародившись, вероятно, еще в XI веке, в реформах папы Григория VII, а католическая и протестантская Реформации были позднейшими ее фазами. Трудно сказать, чем именно поддерживался этот вектор, но общее направление процесса представляется бесспорным. Джон О'Мелли (John O'Malley, *Trent and All That* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000), pp. 17-18) утверждает, что первоначальными объектами реформы были дисциплина и нравы, а цель ее состояла в возвращении к исконным правилам или канонам церкви или определенного религиозного ордена, которые, как считалось, перестали соблюдать с надлежащей строгостью. На мой взгляд, данная трактовка в целом верна, однако в той великой традиции, которую я называю Реформой с большой буквы, указанная О'Мелли цель была связана с двумя другими. Первая из них – это изменение самой религиозной жизни в сторону повышения роли личного благочестия и/или дисциплины, а также более акцентированной их христовенности. Вторая – это только что описанное стремление преобразовать жизнь *всех* христиан, так чтобы она отвечала более высоким идеалам святости и преданности. Именно эти два аспекта делали Реформу не просто возвратом к прежней чистоте (хотя о ней часто шла речь), но источником подлинной новизны и беспрецедентных перемен. Точно так же эти два стремления помогают нам понять, почему данное движение сохраняло силу и энергию в продолжение стольких веков и на разных этапах своего развития.

Дайермейд Маккуллох также усматривает преемственность между реформами Григория VII и позднейшей Реформацией. В этих ранних мерах можно видеть первые, основополагающие шаги к «созданию общества, жестко пресекающего

Здесь мы имеем дело с чем-то большим, чем проходящая тенденция, ведь подобного рода попытки предпринимались неоднократно. Во-первых, они исходили от самой же элиты, т.е. иерархии Католической церкви, продолжались вплоть до Тридентского собора и захватили различные ответвления церкви Контрреформации. Стандарты образования духовных лиц, как и религиозной практики мирян, неуклонно повышались.

Но, во-вторых, аналогичные попытки предпринимали и другие элиты, порой, хотя и не всегда, противостоявшие иерархии. Подобное соперничество очевидно в случае с теми, кто реорганизовывал общества под знаменем Реформации – речь идет о церковных и государственных деятелях лютеранских земель, о христианских гуманистах, поддержавших Реформу и содействовавших созданию синтеза реформированных церквей (прежде всего, конечно, о Жане Кальвине), об их духовных братьях, которые реорганизовали Английскую церковь после разрыва Генриха VIII с Римом. А чтобы народные массы, часто упрямые и непокорные, могли соответствовать требованиям нового режима, их вновь и вновь побуждали перестраиваться – иногда грубой силой, иногда мягким убеждением, причем становление новых элит нередко облегчало данный процесс.

В-третьих, однако, мы видим еще один ряд попыток переделать общество, которые предпринимались светскими властями во имя благого социального порядка; в этих усилиях неизменно присутствовала и религиозная составляющая, но их никогда нельзя было описать исключительно в религиозных терминах. Роль бедняков и нищих подвергается переоценке: они теряют свою евангельскую ауру и начинают восприниматься не как повод для благотворительности, но, скорее, как источник социальных проблем, требующих решения. Обращаются с такими людьми без особых церемоний: их ставят на учет, берут под жесткий контроль, приучают к суровой дисциплине, а порой помещают в условия, близкие к тюремным².

Это лишь одна из черт нового «полицейского государства», которое берет на себя обязанность рационально организовать

любые отступления от установленного порядка»; «несомненно, здесь имела место попытка использовать европейское духовенство в качестве главного орудия борьбы за беспрецедентную по своим масштабам и глубине регламентацию жизни всего общества». MacCulloch, *Reformation* (London: Allen Lane, 2003), pp. 27-28.

² Bronislaw Geremek, *La potence et la pitié: l'Europe et les pauvres du Moyen Age à nos jours*, trans. Joanna Arnold-Moricet (Paris: Gallimard, 1987).

существование своих граждан: сделать так, чтобы они получили надлежащее образование, принадлежали к церкви, вели трезвую и экономически продуктивную жизнь. Подобная организация позволяет также эффективно бороться с разного рода угрозами для общества, например, посредством более сурового карантина ограничивать распространение чумы.

Соперничество между государством и клиром вовсе не является здесь чем-то неизбежным, ведь светские власти могли тесно сотрудничать с той или иной церковью. Карло Борромео, великий контрреформационный епископ Милана, не только предпринял реформу многих церковных обычаев в духе более «передовых» образцов – осуждал карнавалы и иные пережитки язычества, в которых сакральное смешивалось с профанным, пытался удалить из церкви животных и положить конец пляскам на кладбищах, запрещал шаривари, одним словом, вводил более упорядоченную и менее «заколдованную» версию христианской религиозной практики, – но и поощрял городские власти к мерам, призванным вернуть к нормальной жизни и приучить к дисциплине неумущих и бродяг.

Все эти усилия по реформированию и организации имели ряд общих свойств: (1) активизм, поиск способов эффективного переустройства общества; высокая степень интервенционизма; (2) установка на полное единообразие, готовность прилагать одну и ту же схему или модель ко всем и вся; попытки покончить с аномалиями и исключениями, подчинить общим правилам всякого рода маргинальные и нонконформистские группы; (3) стремление к гомогенизации; хотя реформаторы по-прежнему действовали в условиях обществ, основанных на принципе сословных различий, они, как правило, старались сократить эту дистанцию, просветить массы, сделать их образ жизни все более соответствующим тем стандартам, которыми руководствовались в своем поведении лица, занимавшие более высокое положение. Это совершенно очевидно в случаях собственно церковной реформации, однако то же самое мы вправе сказать и о попытках упорядочить жизнь людей, предпринимавшихся «полицейскими государствами». Наконец, (4) стремление к «рационализации» в двойном веберовском смысле, т.е. речь здесь шла не только о все более широком использовании инструментального разума в самом процессе этих отличавшихся крайним активизмом реформ, а также при выборе

некоторых их целей (например, в экономической области), но и о попытке перестроить все общество на основе единой системы взаимосвязанных правил (*Wertrationalität* – второе измерение рациональности у Вебера).

Названные факторы, вместе с внутренним импульсом собственно религиозных реформ, направляли все эти усилия к расколдованию мира и к упразднению общества, основанного на иерархическом равновесии – как равновесии между элитой и массами, так и равновесии, которое выражалось в феномене карнавала и «мира вверх тормашками». В самом деле, враждебность к карнавалу и подобным ему остаткам народной культуры представляла собой одну из бесспорных общих черт религиозного и светского переустройства общества. По мнению элит XVI – XVII веков, карнавальная «мир вверх тормашками» не мог служить ни источником развлечения, ни полезным коррективом к гордыне верхов, ни отдушиной (предохранительным клапаном), ни проявлением глубины и многогранности человеческого бытия. Он был всего лишь образом греха и побуждением к греху. Начиная с «Корабля дураков» Бранта, полился целый поток сочинений, картин (Босх, Брейгель), иллюстраций, посвященных морализированию на тему всеобщего переворачивания. Здесь уже не до смеха, – поучали они, – ведь мир нашей обыденной жизни и есть этот самый мир вверх тормашками, в котором грех ставит с ног на голову всякий порядок. Побеждают чуждая всякого чувства юмора мрачная решимость карать грех и беспорядок, бескомпромиссное осуждение любой сложности и неоднозначности – позиция, отражавшая стремление господствующих элит искоренить карнавальные обычаи и игровые практики на том основании, что они сеют всяческое бесчиние, смешивают христианское с языческим и служат питательной почвой для греха. (Мы наблюдаем здесь зарождение того, что в наши дни превратится в т. наз. «политкорректность».) Делюмо ставит это в связь с параллельным сдвигом в отношении к феномену сумасшествия³: то, что прежде могло рассматриваться как предрасположенность к особому рода прозрениям или даже как признак святости, теперь все недвусмысленнее трактуется как следствие греха.

Это подводит нас к одной чрезвычайно существенной особенности всего данного периода. Начало его отмечено расширением

³ Delumeau, *Péché*, pp. 146-152.

разрыва между элитарной и народной культурами. Важнейшие черты этого процесса проследил Питер Берк. Конечно, жесткое разграничение между культурой элит и культурой масс – позиция в научном плане рискованная. Некоторые сферы культуры, например богословие, схоластическая философия, гуманистическая литература, уже давно являлись монополией элит, но относительно Средних веков можно, пожалуй, утверждать, что обратная ситуация там не имела места, иначе говоря, не существовало такой народной культуры, из которой исключалась бы элита. Скажем, формы массового благочестия оставались «своими» для дворянства и духовенства; все участвовали в карнавалах и т.д.

Однако, начиная с позднего Возрождения, мы находим здесь все более расширяющийся разрыв. Можно говорить о своеобразном отпадении элиты от народной культуры, идет ли речь о почитании икон в собственно религиозной области или о карнавалах и народных увеселениях. Это отпадение свидетельствует о развитии элитарных жизненных идеалов, которые воспринимаются как несовместимые со значительной частью культуры масс, – идеалов набожности в сфере религиозной, идеалов «вежливости», или «благовоспитанности» – в сфере светской. Но процесс отпадения не остановился на данной стадии, он стал основой для попыток переделки общества, активного преобразования жизни самих масс, имевшего столь важные и глубокие последствия.

Именно в этом контексте мы должны рассматривать трансформацию, которая уничтожает заколдованный мир и выводит на сцену первые жизнеспособные формы эксклюзивного гуманизма. Последний унаследовал сущностные свойства процесса, его породившего – активизм, стремление к единообразию, гомогенизации, рационализации и, разумеется, враждебность к колдовским чарам и принципу равновесия.

Перевел с английского Алексей Васильев